

Данил Владимирович РОСТОВ,
адъюнкт Нижегородской академии
МВД России

rostov.1998@mail.ru

О СУТИ И СОДЕРЖАНИИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

ON THE ESSENCE AND CONTENT OF THE STAY OF PROCEEDINGS IN CRIMINAL TRIALS IN RUSSIA

Предметом анализа в данной работе выступают как неоднозначные позиции российской уголовно-процессуальной доктрины относительно сути и правовых последствий института приостановления производства по уголовному делу, так и негативные коллизии судебно-следственной практики, связанные с двойственностью или неопределенностью основных правовых предписаний, касающихся условий и порядка принятия и реализации такого решения. Автором проанализированы основные коллизии, связанные с правильным установлением и исчислением сроков применения мер процессуального принуждения по приостановленному уголовному делу, запретом производства иных процессуальных действий в указанной ситуации, с новыми основаниями для временного приостановления производства по делу. Высказаны актуальные предложения и рекомендации в этих вопросах.

Both ambiguous viewpoints of the Russian criminal procedural doctrine regarding the essence and legal consequences of the stay of criminal proceedings, and negative conflicts in court and investigative practice caused by the duality or uncertainty of the basic legal instructions regarding conditions and procedure for making and implementation of a decision about stay of proceedings are considered in the article. The author analyzes the main conflicts related to the correct fixing and calculation of time limits for application of procedural coercion measures in a stayed criminal case, ban on other procedural actions in this situation, with new grounds for temporary stay of proceedings. Some relevant proposals and recommendations regarding given issues are made in the article.

Ключевые слова: временный, вынужденный перерыв в производстве по делу, основания приостановления производства, сроки действия мер процессуального принуждения, временное помещение обвиняемого в медицинский стационар для оказания неотложной психиатрической помощи как основание для приостановления производства по делу.

Keywords: *temporary, forced interruption of proceedings, grounds for stay of proceedings, duration of procedural coercion measures, temporary placement of the accused in a medical hospital for psychiatry first aid as grounds for stay of proceedings.*

Законодателю, российской уголовно-процессуальной доктрине и следственно-судебной практике в целом известно, что предварительное расследование и раскрытие преступлений должно осущест-

вляться не только всесторонне, полно и объективно, но и в максимально сжатые, реально оправданные сроки, без надуманных перерывов и остановок. Исключительно этот порядок наиболее полно соответствует и соци-

ально-нормативному назначению уголовного судопроизводства России (ст. 6 УПК РФ), и принципу его разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ), и подлинно эффективному обеспечению интересов и прав всех участников процесса, интересов государства и в целом гражданского общества (ст. 2 Конституции РФ).

Вместе с тем не менее известно, что при реальном расследовании преступлений и судебном рассмотрении (разрешении) дел нередко возникают такие обстоятельства объективного свойства, которые а priori препятствуют и эффективному производству по делу, и в целом движению процесса к его очередному этапу или стадии, когда без устранения этих препятствий или их максимальной минимизации нет возможности как реализации большинства следственных (познавательных) действий, призванных к установлению релевантно значимых обстоятельств дела (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), так и осуществления ряда процессуальных действий, обязательных к реализации в рамках производства по делу. Именно для разрешения этих (объективно «препятствующих») ситуаций в российском уголовно-процессуальном законе, процессуальной доктрине и практике объективирован институт «приостановления производства по уголовному делу».

Оговоримся и в том, что доктрине российского уголовно-процессуального права отчасти известны дискуссии о том, насколько верно и правомерно одновременно исследовать и характеризовать данное правовое явление и в качестве самостоятельного уголовно-процессуального института [8, с. 4-5; 7, с. 15], и как особую процессуальную форму производства по делу [3, с. 77-80], и как непосредственно вид собственно уголовно-процессуальной деятельности [6, с. 119]. Мы сознательно откажемся от дискуссий и необоснованных повторов в этих моментах, так как считаем подобную постановку вопроса во многом надуманной. На наш взгляд, каждая из указанных категорий не исключает рациональности и необходимости другой, ибо, будучи диалектически взаимосвязанны-

ми, они лишь максимально полно и объективно характеризуют все стороны и свойства исследуемого явления, формы его объективации в правовой реальности.

На самостоятельность, системность и комплексный характер этого процессуального института объективно указывают как нормы ст. 208-211, 238, ч. 3 ст. 253 УПК РФ, так и нормы ст. 78 УК РФ, а также нормы иных, не только федеральных, но и федеральных конституционных законов¹.

Об особой процессуальной форме (надлежащем порядке) производства по приостановленному уголовному делу весомо свидетельствуют оговорки закона относительно общих и специальных условий принятия такого решения, формы отношений и усилий следственных, оперативных и иных государственных органов, в том числе призванных к устранению препятствий к дальнейшему движению процесса.

Об измененном характере собственно уголовно-процессуальной деятельности свидетельствует перенос основных усилий следственных и правоохранительных органов государства в область розыскных, оперативно-розыскных и иных неследственных мероприятий.

Как следствие, мы будем в той или иной мере последовательно и диалектически взаимосвязано апеллировать к каждой из названных сторон исследуемого явления с тем, чтобы максимально полно и точно раскрыть его сущность, нормативное содержание и назначение в уголовном судопроизводстве России.

Обращаясь к понятию и основным признакам исследуемого института, большинство авторов считают актуальным и значимым прежде всего подчеркнуть признаки (свойства), согласно которым, исследуемое явление:

это временный вынужденный перерыв в производстве расследования (судебного рассмотрения/разрешения дела), в производстве следственных (или в целом процессуальных) действий, в движении дела (процесса в целом) к очередному процессуальному этапу или стадии;

1 К примеру, при анализе основания для приостановления производства по делу, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, мы вынужденно апеллируем к сути норм ст. 98, 103 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»; при исследовании оснований, установленных пп. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, – к нормам Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

перерыв, вызванный объективными препятствиями, как правило, связанными с невозможностью участия обвиняемого, подозреваемого в производстве следственных или (обязательных для него) процессуальных действий, до полного устранения или минимизации этих препятствий;

при этом указанный перерыв существенно связан с изменением режима осуществляемой деятельности, с доминантным переносом реализуемых отношений из сферы строго процессуального характера в область розыскных, оперативно-разыскных, иных неследственных мероприятий [6, с. 118; 4, с. 17-21].

Отдельные авторы, правда, пытаются подчеркнуть тавтологию в одновременном указании в определении и на сам «перерыв», и на его «временный» характер, поскольку они полагают, что уже первый термин достаточно полно характеризует как сам перерыв (остановку) в производстве по делу, так и его временной характер [13, с. 432]. Мы, напротив, уверены, что акцентуации на временном характере принятого по делу решения методологически и методически правильны. Более того, изначально подчеркивая неокончательную суть принятого решения, незавершенность производства по делу, именно временной акцент призван постоянно «напоминать» следственным и контрольным органам о максимальной активизации усилий по устранению препятствий к возобновлению этого производства, о достижении непосредственных задач и целей процесса. И, напротив, нередко, наличествующая в следственной практике «забывчивость» во временном характере приостановки производства по делу в итоге приводит к негативным последствиям как в целом для «забытого» дела, так в плане обеспечения основных прав участников процесса.

В контексте строгости и операциональности доктринальных определений нас более интересуют подходы доктрины и практики к сути и правовым следствиям указанного перерыва в производстве по уголовному делу. Поясним данную постановку вопроса:

Обратимся, к примеру, к позициям С.Б. Россинского, который давно и достаточно последовательно утверждает, что приостановление

производства по уголовному делу – однозначно перерыв не только в производстве следственных и процессуальных действий, а равно в принятии процессуальных решений, но и временное приостановление досудебных уголовно-процессуальных отношений [12, с. 477, 479; 9, с. 372]. Как следствие, единственно, что возможно, по мнению этого автора, в рамках приостановленного производства, – это осуществление иных неследственных мероприятий, направленных к устранению препятствий, вызвавших такое решение. Соответственно, восстановление указанных процессуальных отношений происходит лишь одновременно с принятием решения о возобновлении производства по делу (ст. 211 УПК РФ) [12, с. 479, 480].

На временном прекращении указанных правовых отношений и однозначном запрете производства не только следственных, но и иных процессуальных действий по приостановленному производству настаивает в своем определении и В.О. Белоносов [1, с. 175].

Более аккуратны в этом вопросе авторы «Курса уголовный процесс» под редакцией Л.В. Головки, которые в принципе не ставят вопрос о прекращении уголовно-процессуальных отношений по приостановленному уголовному делу. Вместе с тем исследователи также настаивают на том, что важным последствием приостановления производства по уголовному делу является абсолютный запрет на осуществление следственных и иных процессуальных действий, а равно на вынесение процессуальных решений, до возобновления производства по делу. Основанием констатации этого вывода служат нормы ч. 3 ст. 209 УПК РФ, к которым они апеллируют [5, с. 383, 387].

Интересной позиции придерживается в этом вопросе А.В. Гриненко. Данный исследователь – один из немногих (в российской уголовно-процессуальной доктрине), кто утверждает, что в рамках приостановленного производства по делу не только не проводятся процессуальные действия, но и не текут процессуальные сроки [2, с. 213]. Касается это утверждение исключительно суммарных сроков предварительного следствия (ст. 162

УПК РФ) и дознания (ст. 233 УПК РФ) или этот запрет распространен на все процессуальные сроки; в том числе связанные с реализацией мер процессуального принуждения в рамках приостановленного производства, автор, отметим, не поясняет.

Качественно иной позиции по сути приостановления уголовного дела придерживается А.О. Машовец, по мнению которой указанное решение означает только временный перерыв в уголовно-процессуальном доказывании [13, с. 433].

Из аналогичных по смыслу подходов исходят авторы учебника «Уголовный процесс» под общей редакцией А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. Авторы акцентируют внимание на том, что решение о приостановлении производства по делу прежде всего прерывает уголовно-процессуальную деятельность по доказыванию обвинения. При этом, как они поясняют, продолжается реализация действий неследственного характера, связанных с устранением препятствий к полному и всестороннему производству по делу [13, с. 433].

«Осторожничает» в исследуемых моментах и А.С. Шагинян, который утверждает, что в рамках приостановленного уголовного дела допускается производство *иных процессуальных действий*; но только тех, которые направлены на устранение причин, вызвавших принятие такого решения [14, с. 260]. Отдельно укажем, что меры по розыску или установлению обвиняемого (в контексте норм пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), автор считает вполне процессуальными и изначально легальными.

Более детально обратимся к позициям А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, которые одновременно и интересны, и противоречивы по сути. Поясним. С одной стороны, авторы утверждают, что приостановление производства по уголовному делу – это временный перерыв в производстве *процессуальных действий*. С другой, буквально в следующем абзаце работы, оговариваются, что процессуальная деятельность продолжается, но в особых процессуальных формах [11, с. 411, 446]. В каких именно, авторы поясняют

буквально через две страницы цитируемой работы: в рамках приостановленного производства следователь вправе лишь истребовать и принимать представленные предметы и документы [11, с. 448].

В более позднем издании (2023 г.) эти же авторы как бы «смягчают» свои подходы, к примеру, указывая на то, что временный перерыв (исследуемый запрет. – Д.Р.) касается производства *лишь принудительных* процессуальных действий [10, с. 508]. Более или менее ясный перечень последних при этом не раскрывается и авторами не комментируется. Еще через пару страниц авторы «возвращаются» к исходным утверждениям, настаивая на запрете в целом уголовно-процессуальной деятельности [10, с. 513].

Однако буквально через абзац вновь пишут о том, что «содержание уголовно-процессуального производства по приостановленному делу составляет *собрание доказательств* путем истребования и принятия представленных предметов и документов (ст. 86 УПК РФ)» [10, с. 513]. Процессуальные формы указанного «принятия» и «истребования» раскрываются исследователями через: получение объяснений, направление запросов, получение справок и заключений специалиста, дачу тех или иных поручений органу дознания.

В итоге для задач исследования, прежде всего, акцентируем суждение авторов как об *уголовно-процессуальном* характере деятельности следственных органов по приостановленному производству, так и о неразрывной связи указанной деятельности непосредственно с практическим *процессом доказывания*. Для нас принципиально важно, что процесс доказывания, как суть и основа всей уголовно-процессуальной деятельности, имеет место и на этом этапе. Причины указанного в том, что (озвученные) «позиции» доктрины весьма широко восприняты и «одобрены» непосредственно российской следственной практикой. В ходе исследования выяснилось, что большинство респондентов твердо уверены в том, что даже выполнение следственных поручений об установлении лица, причастного к преступлению (п. 1 ч. 1

ст. 208 УПК РФ) или розыске обвиняемого, подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) может иметь место со стороны сотрудников оперативных служб только при наличии соответствующего дела оперативного учета. В качестве основы данной уверенности, как правило, приводится «общеизвестный» тезис о «законодательном запрете» на производство любых процессуальных действий по приостановленному производству делу. В итоге необходимо теоретически и практически разобраться в этом значимом для следственно-судебной практики моменте. И, прежде всего, апеллируем к букве закона.

Нормы ч. 3 ст. 209 УПК РФ, к которым в большинстве своем апеллируют исследователи, однозначны в этом вопросе, запрещая производство по приостановленному делу исключительно следственных (познавательных) действий. Их сущность и перечень достаточно известны российской доктрине и непосредственно судебно-следственной практике. Как следствие, мы оставляем эти моменты без рассмотрения. Нам принципиально иное: ни в одной из норм как собственно института приостановления производства по делу, так и всей системы норм УПК РФ нет ни упоминания, ни даже намек на то, что указанный запрет касается реализации иных процессуальных действий. Напротив, закон и ряд представителей уголовно-процессуальной доктрины однозначны в констатациях о продуктивности и даже императивности активной реализации комплекса действий, направленных на установление или розыск (скрывшегося) обвиняемого (п.п. 1-2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ). И то, что большинство указанных мер, реализуясь в согласованности с комплексом собственно розыскных мер и мер оперативно-розыскного характера, никак не теряют своей самостоятельности и процессуальной сути, уже практически не подвергается сомнению в доктрине и практике.

Во-вторых, по нормам ч. 1 ст. 209 УПК РФ все заинтересованные участники процесса (за установленным законом изъятиями) в обязательном порядке уведомляются о факте временного приостановления производства по делу; одновременно им разъясняется пра-

во и порядок обжалования такого решения в порядке гл. 16 УПК РФ. Закономерно поставим вопрос: рассмотрение и разрешение указанных жалоб, принятие по ним (значимых) процессуальных решений, в том числе в порядке ст. 125 УПК РФ, осуществляется в непроцессуальном порядке; за рамками уголовно-процессуальных отношений?

В-третьих, розыск обвиняемого, подозреваемого по нормам ч. 2 ст. 210 УПК РФ, реализуемый в том числе посредством активных действий, процессуальных запросов и решений следователя, также реализуется вне уголовного процесса, процессуальных отношений и актов? В таком случае насколько обязательны эти акты для исполнения всеми государственными органами и должностными лицами? Насколько они могут и должны быть обеспечены принудительной силой государства.

В-четвертых, по ч.ч. 6 и 7 ст. 208 УПК РФ по приостановленному уголовному производству обеспечивается выполнение мер, связанных с соблюдением законности и обоснованности длящейся реализации такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество обвиняемого или лиц, несущих по закону ответственность за его действия. Практике, напомним, широко известны акты в части обжалования и судебной проверки законности применения (продления срока реализации) указанных мер; а равно обжалования и проверки, принятых по этому факту судебных решений в судах вышестоящих инстанций. Это также не уголовный процесс и за рамками уголовно-процессуальных отношений?

Ответы представляется очевидными, и именно они точно и практически значимо расставляют акценты в этих вопросах. Приостановление производства по делу не исключает возникновения и реализации, имеющихся и новых уголовно-процессуальных отношений по делу. Нет оснований к тому, чтобы процесс искусственно и надуманно был «временным», но полностью остановлен исключительно по причине того, что нормы ч. 3 ст. 209 УПК РФ субъективно и чрезмерно широко понимаются определенной частью представителей доктрины и практики. Как следствие,

в соответствии с социально-нормативным назначением уголовного судопроизводства России субъективный момент усмотрения органов и должностных лиц, ведущих процесс, в этом вопросе должен быть сведен к минимуму, ограничен волей закона. В связи с этим мы считаем оправданным и актуальным для практики предложить изменения в действующий уголовно-процессуальный закон, дополнив статью 209 УПК РФ частью четвертой в следующей редакции: «Приостановление производства по уголовному делу не является препятствием для производства иных процессуальных действий, связанных с деятельностью и актами следователя по устранению

препятствий к дальнейшему производству по делу; обжалованием и разрешением жалоб на акты, связанные с приостановлением данного производства; получением и формированием сведений, направленных на исследование обстоятельств, подлежащих установлению в соответствии с частью 1 статьи 73 настоящего Кодекса. Производство процессуальных действий и принятие властно-распорядительных актов со стороны государственных органов и должностных лиц, ведущих процесс, возможны, если это реализуемо в отсутствие обвиняемого, подозреваемого, и не связано с применением мер процессуального принуждения к иным участникам процесса».

Библиографический список

1. Белоносов, В.О. Уголовно-процессуальное право. Ч. 1: Досудебное производство : учебное пособие / В.О. Белоносов. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. – 200 с.
2. Гриненко, А.В. Уголовный процесс : учебник и практикум для вузов / А. В. Гриненко. – 8-е изд. перераб и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 364 с.
3. Ефимичев, С. Некоторые вопросы приостановления предварительного расследования / С. Ефимичев, П. Ефимичев // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 77-80.
4. Клюкова М.Е., Малков В.П. Приостановление дела по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации / М.Е. Клюкова, В.П. Малков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 175 с.
5. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. – М.: «Статут» 2016. – 1278 с.
6. Ломовский, В.Д. Вопросы приостановления производства по уголовному делу в советском уголовном процессе / В.Д. Ломовский // Правоведение. – 1962. – № 6. – С. 118-120.
7. Моисеев, Н.А. Приостановление уголовных дел как институт уголовного процесса / Н.А. Моисеев, О.Н. Скоморохов, А.В. Чурсин // Наука. Теория. Практика. – 2009. – № 2. – С. 15-19.
8. Репкин, Л.М. Законность и обоснованность приостановления предварительного следствия : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Л.М. Репкин. – М., 1973. – 28 с.
9. Россинский, С.Б. Уголовный процесс : учебник / С.Б. Россинский. – М.: ЭКСМО, 2009. – 736 с.
10. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2023. – 784 с.
11. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.
12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л.А. Воскобитова – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. – 1008 с.
13. Уголовный процесс / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко – М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. – 888 с. – DOI 10.12737/1699408
14. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. А.И. Андreeвой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и др. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 445 с.